

ПОЛЯРНЫЙ КРУГ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Анатолий Омельчук - Юрий Неёлов - Эдуард Улыбин

Читальный зал
-Окр-

ТЮМЕНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНФО-ПЛЮС»
2013

"Национальная
библиотека ЯНАО"

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ТРАГЕДИЯ ВО ЛЬДАХ

Путешествие Павла Крузенштерна-младшего — одна из самых трагических страниц в истории освоения и изучения Карского моря. На его плавание большие надежды возлагал Сидоров. Корабли Крузенштерна должны были пройти за один сезон путь из Печорского моря в устье Енисея. Но шхуну «Ермак» ожидал трагический конец у западных берегов Ямала...

Первое сентября 1862 года было необычным. Именно в этот день по всей стране торжественно отмечался День Тысячелетия России. Трудно представить, чтобы кто-то из россиян встречал эту дату в более тяжелых условиях, чем экипаж «Ермака». Под убийственными порывами ветра матросы ставили на льдине палатку, вытаскивали из трюма провизию и дрова для того, чтобы сварить пищу и обогреться.

Чтобы поднять боевой дух команды, Крузенштерн торжественно объявил о Тысячелетии России. Матросам выдали двойную порцию водки, и прямо на льду для них сварили пунш. Веселые песни, раздававшиеся в этот вечер, казалось, противоречили критическому положению экипажа. А капитан вспоминал в эту ночь начало.

Экспедиция снаряжалась на частные пожертвования, главную часть средств вложил Сидоров. Были зафрахтованы стопятидесятитонной грузоподъемности шхуна «Ермак» и небольшой палубный бот «Эмбрио», построенный в Норвегии. Крузенштерн постарался набрать хорошую, слаженную команду, знающих специалистов. Штурманами у него были Вильгельм Матисен и выпускник Архангельского шкипер-

ского училища унтер-штурман Черноусов. Волонтером напросился в экспедицию барон Алексей Будберг. На «Ермаке» находились тринадцать матросов, вольнонаемный повар, два юнги – дети крестьян из Пустозерска, боцман Панкратов и редкий по тем временам на судне гость – фельдшер Лычев. Трюмы шхуны загрузили продовольствием на шестнадцать месяцев. Все это говорило об обстоятельности подготовки, о том, что лейтенант Крузенштерн готовился к долгому и трудному плаванию. Репутация Карского моря как «ледового мешка» заставляла быть основательным. Внук знаменитого адмирала готовился не только к борьбе с барьерами высоких широт, он намеревался пробить брешь в сформировавшемся общественном мнении о непроходимости Карского моря. Обе задачи по тем временам были невероятно трудны. Печора в том году вскрылась поздно, только первого августа лейтенант Крузенштерн приказал сниматься с якоря. Баренцево море сразу показало свой трудный нрав. Шестого августа на горизонте появились тяжелые темные тучи и грянула редкая в этих широтах сильнейшая гроза.

Уже у острова Варандея моряки увидели льды. Суда начали лавировать, чтобы пробиться к островному берегу, где хотели пополнить запасы пресной воды. На маневры во льдах ушло почти трое суток. Палубный бот приходилось время от времени брать на буксир, чтобы провести по деловому коридору. В густом льду буксир не помогал, и тогда экипаж «Эмбрио» или тянул свою яхту бурлацкой бечевой, или пробивался вперед с помощью шестов, или же весь экипаж – три матроса и боцман из мезенских поморов Михаил Рогочев – садился на весла. В Карском море Крузенштерн решил пробиваться через пролив Югорский Шар. Казалось, здесь судьба улыбнулась мореплавателям, они быстро миновали полосу воды, отделявшую Вайгач от материка, и встали на якорную стоянку уже у восточного берега острова. Промышленники на матером берегу, увидев шхуну, поднявшись для лучшего обзора на крышу своего промстана, приветственно махали малахаями. На острове стояли и ненецкие чумы, однако аборигены были более сдержанны в проявлении чувств.

В Карское море вошли ночью. Куда ни бросишь взгляд – везде виднелись льды, льды, льды, громоздившиеся, словно горы.

К утру моряки поняли, что полагаться на «порядочность» пролива преждевременно. Стала прибывать вода, скорость течения воды в Карское море достигла четырех узлов. Пролит, еще несколько часов назад почти чистый, моментально наполнился огромными глыбами. Мыс, под защитой которого стояли шхуна и бот, оказался весьма ненадежным. Крузенштерн оценил положение как «критическое». Нужно было немедленно сниматься с якоря, поднимать паруса. «Ермак» с трудом лавировал среди льдов, однако столкновения с ними так и не избежал. «Эмбрио» скрылся где-то за плавучими горами, мелькнула только мачта. Со шхуны никакой помощи оказать боту не могли. Казалось, это последняя встреча.

Удары льдин раздавались то с правого, то с левого бортов. Только третья листовничная обшивка шхуны позволила обойтись без крупных пробоин.

Следующий день был более благоприятным. Со шхуны увидели «Эмбрио».

Однако 16 августа густой туман разделил два судна, теперь уже надолго. Унтер-офицер Короткий две недели дождался «Ермака» у Югорского Шара. Матросы на оленях доехали до устья реки Кары, предупредили кочующих оленеводов, самодскому старшине наказано было помочь морякам. Продовольствия на боте оставалось немного, поэтому было решено возвращаться.

«Ермак» же попадал то в лед, то в штиль, то в туман. Капитан счел за благо завести якорь на большую льдину и следовать за ней, словно на буксире. 18 августа судно оказалось в Карском море. Порой прояснялось, и капитан торопился сделать обсервацию, определиться по карте. Но прояснения были слишком коротки, почти мгновенно они сменялись туманом или шквалом.

Наступление льдов продолжалось и на следующий день.

Шхуну накренило влево так, что стоять на палубе стало трудно. По приказу капитана матросы начали выносить с судна бочки с солониной и маслом. На льдины были вытащены и гребные суда. Море словно играло с моряками. В самый разгар разгрузки пошел дождь и напирющее движение льдов прекратилось. После ночной выюги наступило ясное утро. Но погода продержалась недолго, упал туман, повалил снег. Команда получила приказ Крузенштерна быть готовой к авральной выгрузке на лед. Каждая минута грозила обернуться последней. Впрочем, хотя последующие несколько дней погода и была наисквернейшей, но напор льдов ослаб. Осмотр шхуны показал: правый борт продавлен льдами, от течи спасало лишь то, что «Ермак» почти лежал на левом борту. В следующий же вечер трехсаженная льдина, как нарочно, зашла под киль шхуны и перевернула ее на правый борт. У всех на судне были собраны котомки. Временами шхуна так трещала, что кто-нибудь спросонья хватал собранное и бросался к борту.

Двадцативосьмилетний капитан же показывал пример невозмутимости. При самой малейшей возможности он доставал приборы и занимался наблюдениями. Павел Крузенштерн был внуком знаменитого кругосветного мореплавателя Ивана Федоровича и сыном полярного исследователя Павла Ивановича. Моряцкая кровь, выдержанная тремя поколениями, давала о себе знать.

«Ермак» беспомощно дрейфовал в Байдарацком заливе.

Наступила календарная осень. Второго сентября моряки убедились в ненадежности ледового убежища. Льдина, на которой стояла палатка, треснула пополам. Это заставило Крузенштерна серьезно задуматься о дальнейшей судьбе экспедиции. Если раньше он еще имел надежду, что может провести зимовку на льдине, то теперь вынужден был отказаться от этой иллюзии. Море крошило льды, шестисаженым полям хватало одного не особо сильного шторма.

Можно ли было полагаться на ледовое убежище, если штормы последуют один за другим? Капитан решил, что надо

исподволь готовиться к оставлению «Ермака».

На следующий день напором льдов палубу судна превратило в горб, по которому и ходить-то смог бы лишь акробат. Трещали борта, перегнулись мачты. С рассветом Крузенштерн приказал начать разгрузку шхуны.

Кораблю оставалось жить всего несколько дней.

Крузенштерн решил, что будет лучше, если все придут к единому мнению, и назначил совет, в который вошли и выборные из матросов. Штурман Матисен, подштурман Червоусов, боцман Панкратов, матросы Попов, Резанов и Молчанов единодушно решили, что оставаться на судне чрезвычайно опасно: топлива хватало всего на четыре месяца, через некоторое время пришлось бы пустить на дрова шхуну и остаться без корабля. В любом случае следовало выбираться на материк, к жилью, к людям. Крузенштерн надеялся, встретив на берегу оленных ненцев, позднее вернуться обратно и попытаться спасти корабль.

В заранее приготовленные лодки сгрузили все необходимое, в отдельных ящиках находились инструменты, книги, карты. Все оделись по возможности теплее, ранец каждого весил не менее двух пудов.

Девятого сентября повар работал всю ночь. Не жалея припасов, он готовил прощальный завтрак. В четыре часа ночи все уже были на ногах. Трапеза получилась не особо веселой. Экипаж прощался с «Ермаком». На столе в капитанской каюте Крузенштерн оставил записку, где сообщал координаты шхуны, положение перед уходом, перечислял членов экипажа и указывал, куда отряд держит путь. Он еще не верил, что «Ермак» бесследно исчезнет во льдах океана...

Позади оставался силуэт побитого, растерзанного «Ермака», впереди, кроме торосов, ничего не было видно. Казалось, что главные трудности позади. Но только казалось...

С компасом впереди шел Павел Крузенштерн. Остерегаясь встречи с «хозяевами льдов», захватили с собой четыре винтовки, три револьвера, два пистолета, двустволку, порох, пули, дробь. Но многое, казавшееся необходимым, пришлось

все-таки бросить. Капитана не покидала надежда, что он еще вернется к своей шхуне.

К полудню мачты «Ермака» уже нельзя было увидеть даже в подзорную трубу. Остановившись на отдых, обнаружили, что пропал кузнечный мастер Ситников. С боцманом Панкратовым Крузенштерн отправился на поиски пропавшего. Через три версты они обнаружили пьяного кузнеца. Тот переусердствовал, когда пили ром на дорогу, и сейчас не мог подняться. Приведенный в чувство, кузнец плакал и повторял:

— Ваше благородие, оставьте меня, мне суждено умереть здесь.

Капитан рискнул снять с пьяницы ненешкую шубу — малицу, полагая, что холод быстро проймает Ситникова, вышибет ром, и кузнец догонит караван по следам товарищей. Надежда на это была мала, но тащить тяжеленного молотобойца по

торосам вряд ли бы у кого нашлись силы. Ситников сам поставил себя вне экипажа.

Не прошло и часа, как шагнувшего впереди командира остановил истошный крик. Тонул матрос Григорий Вишняков, с тяжелой ношей попавший в озеро пресной воды. Только расторопность матроса Резанова, который вмиг сбросил ранец, скатку и малицу и успел протянуть тонущему пику, спасла Вишнякову жизнь. Сухим бельем и одеждой с ним поделился каждый.

Следующее утро принесло неожиданную радость. Завтрак был прерван чьим-то возгласом:

— Ситников!

Действительно, холод хорошо «похмелил» кузнеца и он сумел нагнать товарищей.

Встретившуюся длинную полынью решили не переходить, это бы отняло слишком много времени, а с помощью троса устроили паром из небольшой льдины. Она могла поднимать двух человек и сделала одиннадцать рейсов. Все настолько устали от изнуряющей ходьбы, что бросали не только полушубки, сапоги и рубашки, но даже курительные трубки и сухари.

Штурман Матисен почувствовал сильные боли в груди, тошноту. Ослабел и фельдшер Лычев.

Приближавшийся берег давал о себе знать — разводье появлялось все больше, и все чаще приходилось прибегать к помощи импровизированных паромов. Крузенштерн решительно вел людей на восток. Там, на твердой земле, можно было рассчитывать на спасение. Утром одиннадцатого, выбравшись из лужи, которая всегда образовывалась под утро от теплого тела, лейтенант поднес к глазам подзорную трубу и увидел вдалеке темную полосу.

Его радостный возглас: «Берег!» словно придал людям новые силы. Они всматривались в белую даль и, кажется, видели желанный берег без бинокля. Теперь каждый старался сменить капитана на его трудному посту первопрокладывателя дороги. Никто в эти мгновения не верил, что самое трудное

еще не минуло. Впереди виделось большое пространство мелкобитого льда. Некоторые льдины были столь мелки, что ступать на них во всю опору было опасно, можно только касаться. Капитан и здесь пошел первым, ловко орудуя пикой, перебрасывая тело с одной льдины на другую. За ним последовали другие. Никто не обернулся, когда ледяное крошево оказалось позади: страшно переживать все заново. А впереди снова дымилось черное разводье. Как обычно, решили воспользоваться природным паромом. Быстро подыскали подходящую льдину и начали перебираться на противоположный берег полыньи. Когда достигли середины, перед плавучим островом неожиданно появилось шесть клыкастых морд – моржи. Они безбоязненно плыли к льдине, явно намереваясь устроиться рядом с людьми. Крузенштерн ударил палкой вожака, вылезавшего из воды, но тот словно не почувствовал удара. Остальные звери, следуя за ведущим, могли потопить ненадежную льдину. Капитану хватило хладнокровия и в этот момент: выхватив винтовку, он почти в упор всадил пулю вожаку в лоб. Моржи скрылись, а паром продолжал путь.

До берега оставалось версты четыре, не более. Спасение было близко. Но казалось, что природа поклялась не пропустить моряков к спасительному берегу.

Уже виднелась полоса сплошного берегового припая, когда капитан определил, что невесть откуда взявшееся течение несет их льдину от берега. Скоро земля исчезла из виду, а опущенный лот показал резкое увеличение глубины. Подкапывался шторм, порывы ветра были шквальными, от мороза задубела промокшая одежда. Льдину раскачивало, в любой момент она могла расколоться. Смерть в тот момент, когда все уверовали в спасение, была особенно страшна. Льдина все же раскололась. Четверо оставшихся на маленьком обломке смогли перепрыгнуть к остальным только в самый последний момент.

Дремали на качающейся льдине, прижавшись друг к другу. Всех спасали только малицы из оленьего меха, без них люди давно бы окоченели от холода и сырости. На следующий ве-

чер, гулко ухнув, ледяное прибежище раскололось пополам. Крупная волна свободно прокатывалась по куску льда, на котором сгрудились два десятка озябших, продрогших людей. Штурман Матисен, который уже с трудом дышал, передавал капитану свои последние желания.

Крузенштерн рассказывал матросам о случаях, когда мореходы спасались и при более сложных ситуациях, но он и сам видел, как в глазах моряков гасли искры последней надежды. Повалил мокрый снег, и сушиться уже не представлялось никакой возможности. Порыв северного ветра мог превратить эту группу людей в ледяную скульптуру. Но, когда уже все смирились со своей участью, начало проясняться и брошенный капитаном лот показал, что льдину повернуло к берегу. К вечеру моряки умудрились перебраться на громадную ледяную гору, которая подмяла под себя их недавнее прибежище.

«Закат солнца был великолепный», – отметил в своем журнале Павел Крузенштерн. Запись эта свидетельствовала и о подъеме духа. Шансы на спасение вновь становились реальны. Но, как уже не раз случалось во время этого трагического дрейфа, льды снова понесло на запад от берега. Усталые люди сооружали себе, чтобы как-то укрыться от шквального ветра, ледяные домики и невесело шутили, что это хорошие гробницы.

Радостей и на следующий день выпало немного. С утра пошел мокрый снег, превратившийся в дождь, вымочивший всех до последней нитки. Вольнонаемный повар Павел Ларионов попался на воровстве: сэкономил свои сухари и лазил по чужим ранцам. Его осудили, но многие столь пали духом, что безразлично смотрели на это.

Наступило воскресенье – шестнадцатое сентября. Командир, хотя надежды покидали уже и этого мужественного человека, все же отдал решительный приказ двигаться на восток. Шли под дождем, проваливаясь в озерца на льдинах и попадая в разводья. Люди падали на ровных местах. Крузенштерн решил дать морякам получасовой отдых, велел съесть двойную порцию сухарей.

«Последняя верста была необыкновенно тяжела для нас. – Я привожу цитату из записок Павла Крузенштерна, которые он опубликовал через год в «Морском сборнике». – Около двух часов я сам был до того уставшим, что помогала только сила воли, с величайшим трудом тащился я вперед, грудь и плечи болели донельзя. Берег не дался нам без упорного боя, я не знаю – попали бы мы вообще на него без матроса Попова? Он шел передовым последнее время, и я любовался его неустрашимостью и находчивостью в преодолении всякого рода препятствий – все остальные довольно равнодушно смотрели на берег, как и на лед, и у каждого из них было одно желание: лечь и отдохнуть. Наконец в семь часов осталось не более 50 сажен до берега, но здесь мы уже не находили средств переплыть! Остаться мокрыми на льду – значит, замерзнуть, поэтому я приказал каждому, кто как знает и может, идти на берег, держаться по возможности двум или трем людям вместе и друг друга вытаскивать из воды, если бы кто-нибудь провалился. Боцман Панкратов с двумя человеками первые достигли берега и громкое «ура» их разнеслось в темноте, повторенное отголоском с горы. В восемь часов наконец мы все соединились на высоком холме, мокрые до нитки, потому что все падали в воду, некоторые по шею. Хотя мы были голодны, холодны и мокры, и дров никаких не нашли, но мысль, что мы наконец на берегу и что теперь уж не унесет в море, нас согревала!»

Но впереди ведь лежала большая, малолюдная, холодная, труднопроходимая тундра. Однако звезда удачи, которая, казалось, уже давно забыла об экипаже шхуны «Ермак», на этот раз неожиданно улыбнулась отважным морякам. Наутро они увидели стойбище крупного оленевода Сэротетто.

Мы вправе задать себе вопрос: что дала науке эта экспедиция? Нет сомнения в том, что противники освоения Северного морского пути воспользовались неудачей, ведь плавание еще раз подтверждало их теорию о непроходимости Карского моря. Да, это так. Но плавание продемонстрировало и неустрашимость наших моряков, их отвагу, решимость, стойкость. А ведь кое-кто из русских морских чиновников считал, что на арктические плаванья способны только англичане да норвежцы.

Нужно отдать должное и руководителю экспедиции – лейтенанту Павлу Крузенштерну. Читателя его записок-рапорта «Об экспедиции к устью реки Енисея, предпринятой в 1862 году», пожалуй, удивит то, что в описание самых сложных и опасных ситуаций, которых было предостаточно во время этого плавания, он непременно вставляет результаты своих астрономических наблюдений. Промеры глубин и пробы грунтов брались даже тогда, когда многие мысленно уже прощались с жизнью. Дрейф «Ермака» можно смело назвать первым научным исследованием Байдарацкого залива и прибрежных вод западного берега Ямала.

Плавание «Ермака» – не только трагическая, но и одна из самых славных страниц в истории отечественных арктических мореплаваний. Павел же Крузенштерн умрет через несколько лет совсем молодым.

